

СЕРГЕЙ МАТВИЕНКО

ПРИГОВОРЁННЫЕ
К СЧАСТЬЮ

18+

Мастера прозы

Сергей Матвиенко

Приговорённые к счастью

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матвиенко С.

Приговорённые к счастью / С. Матвиенко — «Эксмо»,
2024 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-250556-0

Человечество давно балансирует на грани уничтожения, но никогда еще не подходило к краю так близко. В солнечную систему из далекого космоса прибывают посланники высокоразвитой инопланетной расы. «Мы пришли с миром!» – уверяют они. Будущее Земли в Галактическом Союзе цивилизаций прекрасно! Но что, если всё это грандиозный обман? Цель которого – навсегда переписать реальность. Есть только один, кто сомневается. Но сможет ли он остановить Вернера, гениального ученого, провозглашённого пришельцами своим полномочным представителем? И кто из них двоих больше похож на безумца? Вторая часть захватывающей саги «Приговорённые к счастью» погружает в вихрь научной фантастики, философских дилемм и морального выбора. Здесь смешиваются напряжённый экшн, юмор и размышления о жизни, смерти и свободе воли. Готовы ли вы отпустить иллюзии и шагнуть в неизвестность?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250556-0

© Матвиенко С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1. Повезло с заказом	6
Глава 2. Задумчивый разговор	15
Глава 3. Роковая прогулка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Матвиенко

Приговорённые к счастью. Книга 2

Оформление обложки Алины Лоскутовой.

© Сергей Матвиенко, текст, 2024

© Алина Лоскутова, иллюстрация на обложке, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1. Повезло с заказом

«...И если Бог – это Слово, то Слово это непременно молчаливое и надменное, – лениво подумал Бальтазар и зевнул. – Зато Господь наш многотерпелив в своём молчании, раз пускает нам миллиарды лет. Или сколько там минуло со дня Сотворения? Полтора миллиарда с тех пор, как сам Бальтазар испустил последний вздох земной жизни, и ещё какое-то время до этого. Но, – отметил он себе, – воскресили его работники Института Времени, а не Боженька. А оплатила заказ любимая доченька Мари, спасибо ей, ненаглядной. Так что, может, и нет нашего Господа... Так, одно досужее умствование...» Горькая мыслишка. Лучше об этом и не думать, всё одно пустая схоластика.

Уже пятьсот лет прошло, как он – бывший испанский инквизитор – здесь объявился, а нет-нет да и порассуждает на сей счёт. Когда он в дальнем космосе сотни лет каменюки ледяные ковырял, о глупостях думать, слава богу, было некогда – хотелось поскорее накопить денег на свою несравненную Елизавету. А как устроился на тёплое конторское место на Луне – отсеивать ненадёжных претендентов на воскрешение (так сказать, уподобился архангелу Гавриилу), – так и потянуло на философию.

Это всё от скуки, решил Бальтазар. Зря он на Землю припёрся: ничего нового о таинственных самоубийствах и неведомом наркотике «смерть под кайфом» не услышал и вряд ли услышит.

Лучше бы Дмитрий вместо него Альберта в командировку отправил с его «прорывной статьёй» оценки качества душ усопших. Но Дмитрий упёрся: «Нет, позвали тебя. Ты к людям подход имеешь и всё правильно доложишь. Может, и новый заказ ухватишь». Как же, ухватит! Среди сонма конкурентов? Сидит здесь на совершенно бесполезном совещании и теряет время.

подавив вздох разочарования, Бальтазар снова взялся слушать докладчика. Речь держал ведущий следователь Всепланетной службы досмертных расследований. Большой человек с громкими делами. И, кажется, к своему неудовольствию, Бальтазар понял, куда тот клонит.

Землянин часто откашливался и вообще выглядел простуженным – бедный живой организм.

– Трупы по всей Земле, шесть вопиющих случаев кровожадных расправ над собой. То, что они делают, не вписывается ни в какие рамки! Чудовищные смерти в наркотическом опьянении. Средневековая инквизиция была милосерднее к своим жертвам, чем они к себе...

«Много ты знаешь, – поморщился Бальтазар. – Нахватаются по верхам... А-а, видимо, переводчик постарался, подыскал эквивалент, недоумок».

Тем временем Емельян Сергеевич – ведущий следователь – продолжал запугивать аудиторию, рассказывая о том, что все и так уже знали.

– У нас есть определённые сомнения, что это наркотик. В смысле, что это нечто вещественное: в крови, тканях тела и мозге пострадавших ничего подозрительного не выявлено. Но! Слушайте внимательно: в желудке у каждой жертвы обнаружена не успевшая раствориться до конца желатиновая оболочка какой-то капсулы – пустышка.

Бальтазар хмыкнул: «А сейчас он начнёт намекать на эффект плацебо от мемонаркотика».

– Поэтому есть все основания полагать, что основные усилия следует направить на поиски мемовирусов, циркулирующих по неизвестным нам каналам общения Земли, и самих таких каналов. Скорее всего, используют примитивное оптоволокно, проложенное в обход государственных магистралей. Как сотни лет назад вскрытая сеть вербовки одной уж очень беспокойной и амбициозной религиозной организации.

«Знай наших», – не без удовольствия кивнул себе Бальтазар.

– Вопросы, уважаемые слушатели? – докладчик оглядел присутствующих.

Бальтазар поднял руку.

– Я вас слушаю, о мудрейший из мудрейших лунян, носящий достойнейшее из всех достойных имён, – обратился к нему Емельян Сергеевич и застыл. В раздражении крикнув, он прибавил: – Прошу, проявите серьёзность. Немедленно отключите эти ваши шуточки. Я ведь слышу, что вы там себе переводите, у меня же доступ. Скажу честно: мне такое шутовство не нравится. Отключайте! На совещание пришли, а не с дружками чаи распивать.

Раздались смешки. Бальтазар вспыхнул и забормотал извинения, что, мол, забыл вернуть переводчик в рабочий режим. На самом деле это были проделки его супруги – драгоценнейшей Елизаветы, а точнее, её личного помощника Бенедикта. Бальтазар сразу догадался, как услышал про «мудрейшего из мудрейших», и теперь жалел, что не понял этого ещё на страстях про инквизицию.

Разволновавшись, он принялся откашливаться (а вот это было лишнее – уж очень походило на издёвку над не вполне здоровым Емельяном Сергеевичем), спешно сбросил все настройки переводчика и поднялся.

– Емельян Сергеевич, правильно ли я вас понял: вы утверждаете, что найденные таблетки – плацебо? – спросил он и прикусил язык, осознав, что назвал того привычным образом, забыв, что переводчик с отключенными настройками выдаст имя как есть.

– «Е-мель-ян Сер-ге-е-вич», – по слогам повторил тот и усмехнулся, – забавное имя. Так вы меня называете? Надеюсь, ничего обидного? Но созвучно моему имени, надо признать.

Бальтазар покраснел – не из-за подозрений насчёт, возможно, неподобающего прозвища, а потому, что слишком много внимания к себе привлёк. Вокруг уже смеялись, особенно усердствовал представитель фирмы-конкурента. Емельян Сергеевич, прищурившись, внимательно смотрел на Бальтазара и наверняка заметил предательскую красноту его пластиковых щёк.

– Обычное имя, – помялся тот. – Для удобства произношения. Подобрал пару схожих имён на латыни – это мой второй родной язык, для официальных речей, так сказать. И видоизменил на русский лад – ещё один неизвестный вам язык. Мой приятель на нём говорит.

– Дмитрий?

Бальтазар кивнул.

– Да, вы всё верно поняли, – строго сказал докладчик. – Именно плацебо! Хорошее слово подобрали, спасибо. Включу в отчёт.

– Да, но...

– Возражения не принимаются. Здесь не дискуссионный клуб, здесь вышестоящему руководству докладывают о проделанной работе. Если, конечно, есть что. Вольно, садитесь.

Бальтазару было что докладывать, но он не стал перечить – с него довольно. Он сел, сгорая от стыда, – неплохо выступил, неплохо. Как бы не попасть в какой анекдот с таким-то выходом.

Пошли другие вопросы, но всё больше в заданном Емельяном Сергеевичем русле. Обсуждали мероприятия по поиску тайного подземного кабеля связи. Коснулись негласных опросов для изучения необъяснимых искажений в общественных мнениях или для выявления новых – любых иррациональных идей, не вписывающихся во все известные повестки. Не отклоняясь от заданной линии, дошли и до такой ерунды, как привлечение к поискам искусственных мозгов. Все знают, как важно дать им чёткое направление и затем следить, чтобы не выдумывали обоснований случайным совпадениям. Говорили много: не покажешь себя – не продашь.

Бальтазар слушал вполуха: его глодала обида. Да и что они скажут, подпевалы? А ему пока лучше не лезть с предложениями. Пусть его выступление подзабудут, к тому же было опасение, что повреждённое устройство снова засбоит. Он вычистил последние обновления переводчика – так и есть, Бенедикт влез туда своими лапами. Работа грубая, зато какая эффектная.

Просмотрев расписание ближайших рейсов, Бальтазар прикинул, успеет ли заскочить в магазинчик за сувениром с Земли для Елизаветы – чем-нибудь небьющимся, вернее, принципиально неуничтожимым.

Он глянул через щёлку занавески в окно – солнце уже поднялось, перестав бить в глаза и слепить. Лучи оранжевого, непривычного и потому чужого солнца падали на подоконник почти отвесно. Середина дня, ждать осталось недолго.

На окне рядом с ним сидела бабочка, она медленно закрывала и открывала красные, как огонь, крылья. Видимо, залетела через приоткрытую створку. Это луняне здесь могут электрическими накопителями обойтись, а людям-органикам нужен кислород, их сюда немало набилось про ужасные страсти послушать.

«Милая земная бабочка... – думал Бальтазар, глядя на неё. Его душу заполонили нежные чувства. – Прошли эпохи, а бабочки всё те же. Сидит себе и радуется старому инквизитору своей красотой, напоминает о былом. Настоящее живое существо, а не анимированная картинка! Вот бы тебя подарить Елизаветушке...»

Сыщики по одному получали короткий инструктаж от Емельяна Сергеевича и покидали аудиторию. Пошептавшись с ним, поднялся главный конкурент, с победным видом глянул на Бальтазара и ехидно улыбнулся. Тот махнул ему рукой на прощание. Да, моделька у конкурента что надо, от человека с первого взгляда не отличишь, да и со второго тоже. Умеют же некоторые делами ворочать и деньги заколачивать. Бальтазар оглядел себя – пластиковое чучело, только цивильная одежда и выручает.

Он повернулся к бабочке. Ну, предположим, поймают её, привезёт на Луну и оформит в какой-нибудь террариум с доступом на просмотр для Елизаветы? Дальше что? Сколько насекомое проживёт-то? От силы месяц, пока длится лето. И крылья цвета пламени Бальтазара уже не пленяли, а всё более смущали. Его супруга – такая привереда... Не так ведь поймёт – обвинит, что нарочно выбрал такую огненную, что она сама точь-в-точь как эта бабочка, запертая им на погибель для его развлечения. Нет, определённо дурацкая затея...

– Бальтазар, вы всё бабочек ловите? – пророкотал над его ухом хриплый голос.

Тот вздрогнул. Над ним высился Емельян Сергеевич. Специально, что ли, подкрался?

– Нет, что вы! – «Как он догадался?!» – Зачем она мне? У нас своих хватает, пусть и рисованных.

Ведущий следователь почесал затылок в недоумении.

– Смотрю, опять ваш переводчик барахлит. Вы сидите отстранённый, весь в глубокой задумчивости, ничего не замечаете. Вот я и говорю: вы всё ворон считаете? У меня к вам серьёзный разговор, а вы будто обиделись на весь мир. Или, может, на меня? Нет?

Бальтазар помотал головой:

– Никаких обид. Не надо было мне выступать, это верно.

– Верно. – Емельян Сергеевич нагнулся и шепнул: – Я вас пока обойду, никуда не уходите.

Продолжайте бабочек считать.

Усмехнувшись, он отправился к последнему, не считая Бальтазара, оставшемуся участнику совещания.

Бальтазар тихо вздохнул, – видимо, его ждут нравоучения и выволочка. Не задался день.

Он снова забрался в настройки переводчика. Да, Бенедикт, чёртово отродье, хорошо тут пошуровал. То работает, то не работает. Вот же понакрутил! И ведь не пожалуешься на него хозяйке. Ни в коем случае! Развеселится и станет нахваливаться ловкача. А тот, ободрённый, опять что-нибудь затеет.

Ещё раз внимательно всё проверив, Бальтазар вычистил следы недавних чужих вмешательств, затем поменял пароль доступа с «МояПрекраснаяЕлизавета» на «БенедиктОсёл ЕлизаветаВедьма».

Емельян Сергеевич тем временем выпроводил последнего слушателя. Плотнo закрыв за собой дверь, ведущий следователь сразу посерьёзnel и посмотрел на Бальтазара почти хмуро.

Тот поднялся.

– Не против, если я закрою окно? – подойдя к столу Бальтазара, спросил Емельян Сергеевич. – А то здесь слишком свежо.

Бальтазар пожал плечами, хотя в помещении изрядно попахивало потом – в пору было морщить нос.

– Хорошо, что вас не заражу, вы-то пластиковый, – усмехнулся Емельян Сергеевич.

«И мёртвый», – додумал за него Бальтазар.

Емельян Сергеевич закашлялся.

– Боюсь, совсем расклеюсь и слягу. А я, знаете ли, к вам не тороплюсь.

– Я закрою, – буркнул Бальтазар.

Он встал, подошёл к окну, выгнал бабочку наружу и захлопнул створку.

– Я знаю, что вы нам всем хотели сообщить, Бальтазар, – сказал Емельян Сергеевич, усаживаясь за стол. – О результатах проведённого вами моделирования по скану мозга одной из наших жертв, двухсотлетнего деда.

Бальтазар сел напротив и внимательно посмотрел на собеседника – похоже, выволочка и нравoучения отменяются.

– Верно, об этом, – подтвердил Бальтазар. – Мы его взяли из-за возраста: если он столько прожил – биография-то у него почтенная, – то, воскрешённый, он вероятнее других заживёт обычным человеком – лунянином, а не впадёт снова в экстатическую кому, которой жизнь кончил. То есть негативные последствия под вопросом и моделирование помогло бы уточнить риски воскрешения. И ещё: он дешевле всех выходил, тоже немаловажно...

– Я и про это знаю, – улыбнулся землянин. – Ваш Альберт прислал в один престижный научный журнал статью, где подробно изложил эти вводные, в том числе оценку стоимости эксперимента. Кстати, мастерски по Институту Времени прошёлся, по-академичному.

– Это он зря... – Бальтазар нахмурился. – Он хотел ещё острее написать про жадность Института и повальную некомпетентность историков, но мы с Димой не одобрили.

Емельян Сергеевич хмыкнул.

– Так вот, статейку мы пока задержали, – сказал он. – Дело чрезвычайное. Никаких подсказок врагу, что мы знаем, а чего не знаем. Ваша дочь указана в соавторах, и позавчера с ней связались наши специалисты прояснить некоторые моменты якобы для печати. Ведь это она подготовила модель души для анализа?

Бальтазар кивнул и зарделся. Если речь про тонкости исследования, то он, пожалуй, не вытянет. Вклад Маришечки ему очевиден, но не вполне ясен. Это Альберта надо спрашивать. Говорит, ничего сложного там нет, а сам сыплет тяжёлыми учёными словесами.

– Честно скажу, сам я далёк от этой научной магии, – усмехнулся Емельян Сергеевич. – Но спецы вашу Мари нахваливали: по полочкам им всё разложила. Говорят, выводам статьи можно доверять. Дедуля вряд ли захочет жить «обычным лунянином». Как это?.. Как у вас такого называют, э-э...

– Отказник. Объявится у нас, поживёт недолго да и оуклится. Ну то есть впадёт в пограничный с жизнью транс, приятное забытьё. По-простому – почти что овощ на подпитке.

– Если объявится! – заметил Емельян Сергеевич.

– Верно. Если! На Луне таких не любят: оно сидит себе или лежит, а ты его содержи, раз вытащил. Живой же, хоть и не совсем: то ли спит, то ли не спит. Кайфует себе. Но оговорюсь: его родственникам, лунным или земным, я не стал бы так однозначно обрисовывать эти мрачные перспективы. И в статье Альберта формулировки гораздо обтекаемей. Всегда есть надежда, хоть иногда и мизерная.

Ведущий следователь кивнул, и Бальтазар продолжил:

– Вывод про впадение в транс верен лишь в той мере, в какой наша модель отражает душу изучаемого субъекта. Возможно, для более надёжных выводов маловато данных. Мы использовали около тысячи коротеньких временных линий длиной тридцать секунд на кубический миллиметр в разных точках мозга. В основном лобные доли и лимбическая система. И то полугодовой бюджет в Институт улетел. – Он вздохнул.

– Спецы сказали, выборка приличная. – Емельян Сергеевич почесал подбородок. – И хотя наши бюджеты тоже не бездонные, ваши траты мы возместим. Не безвозмездно, разумеется.

– Это к Дмитрию, он начальник, – неуверенно пробормотал Бальтазар. – Нам пришлось взять большой заём под обеспечение будущих общественных выплат. И теперь полгода весь наш доход – от одних частных заказов. Потому на ваше «не безвозмездно», боюсь, у меня нет полномочий.

Емельян Сергеевич крикнул от досады.

– Никакого Дмитрия! Никого, кроме вас, я привлекать не собираюсь. «Не безвозмездно» значит, что вы дадите личное обязательство помощи в расследовании. Куда катится ваша Луна? Помешались на деньгах!

– Попадёте к нам, поймёте, – проворчал Бальтазар. – Я согласен. Обязуюсь хранить тайну и работать на вас, но не против интересов моей конторы и друзей.

– Прекрасно! Вы все нас полностью устраиваете. Мы вас хорошенько проверили. Подписывайте допуск к секретным документам.

Емельян Сергеевич вытащил карточку своего телефона и протянул Бальтазару. Проведя ладонью над телефоном, тот взял допуск и, развернув виртуальный документ перед глазами, внимательно прочёл. Условия не кабальные, свобода действий и передвижения не ограничивается, штрафов нет. Подписал. Шикарная сделка.

– Мне ознакомиться сейчас? – спросил Бальтазар, таким же образом забрав электронную папку с документами.

– Так точно. К сожалению, материалов мало. Что неясно – спрашивайте.

Бальтазар положил руки на стол и закрыл глаза. Закрепив позу андроида, отключился от него, вернувшись к себе на орбитальную станцию, где и находился физически (хотя сами апартаменты были виртуальные, то есть обычные рисованные декорации лунян, в которых они живут). Здесь у него была уютная комнатка с видом на Землю. Положив папку на журнальный столик, он уселся в кресло. Поёрзал – слишком мягкое и глубокое, ещё и спинка сильно откинута назад. Он превратил кресло в жёсткий стул, поднял столик повыше и стал листать полученные бумаги. Действительно, негусто.

Из того, что ему и так известно: жертвы на момент смерти находились в экстатическом состоянии, все найдены с блаженной улыбкой, все убивали себя крайне болезненным способом. Так, по наркотику: выявлены следы распада неизвестного психотропного препарата... Ага, под сомнением, – возможно, ошибка аналитического оборудования. Перебор химических веществ-кандидатов, сплошная органическая «алхимия» (даже Дима вряд ли разберётся). И... вывод: препарат неизвестной природы. М-да, захватывающее чтение...

Вдруг его взгляд споткнулся: «„Реактивные зигзаги“... глава компании Вернер...» Бальтазар округлил глаза, сердце его пару раз гулко стукнуло. Так, кажется, понятно, почему именно его выбрали. «Реактивные зигзаги» – его первое и неудачное трудоустройство в дальний космос. Со скандалом тогда уволился. Плохо дело, если из-за этого. Видимо, сами не знают, кому доверять.

На «Реактивные зигзаги» в деле одни косвенные указания. Через вторые руки, третьи. Кто-то когда-то с кем-то работал, встречался или был знаком, но это не точно, м-да... Вернер чист как стёклышко, прямо ангел во плоти. Не вызывает никаких подозрений, кроме един-

ственного: каждый из шести случаев был как-то связан с его компанией. Да, пусть неявная и опосредованная, но всё-таки связь имелась.

Краем уха андроида Бальтазар услышал телефонный вызов и без воплощения, вручную повернул на звук голову андроида (неудобно, зато не надо вставать и в него одеваться). Глянул наружу в окошки глаз. Емельян Сергеевич, вскочив, ходил по комнате, махал руками и неразборчиво – на звуковой секретке – бубнил в телефон. Ведущий следователь, весь в делах и заботах.

Вернув голову в исходное положение, Бальтазар ещё раз пролистал бумаги. Вроде ничего не упустил. Так, какие у него вопросы? Ничего умного в голову не приходило, в документах одни неподтверждённые догадки. Конечно, можно спросить: и что ему делать? Но это как-то непрофессионально.

Стоп! Как же он сразу упустил? Дима ведь переписывался с этим Вернером по поводу теорий мирового эфира. Может, и сейчас переписывается, но молчит из-за вечных подколок Альберта. Какая-то большая для обоих тема. Они – Дмитрий и Альберт – и в дальнем космосе находили время об этом поспорить. Иногда ругались, да так, что приходилось их мирить. Помнится, Дмитрий уже на Луне напечатался по своему любимому эфиру в малоизвестном научном журнале, сослался на статью Вернера, опубликованную там же, а тот, в свою очередь, в новых статьях сослался на Дмитрия. Альберт, узнав об этом, долго хохотал над таким взаимовыгодным перекрёстным опылением. Вдобавок выяснил, что печатались они в «псевдонаучной помойке» без редактуры и рецензирования. Вот тогда-то Бальтазар и узнал, с кем переписывается и кем восторгается Дмитрий. Вдобавок выяснилось, что и Альберт к Вернеру равнодушен, но совершенно в противоположном смысле: восторгов Дмитрия о «гениальном инженере» он не разделял. Как и Бальтазар.

Значит, есть возможность что-нибудь вынюхать про Вернера через Дмитрия. Ясненько: ещё довод, чтобы выбрать Бальтазара. Осталось придумать хороший вопрос, и можно выходить.

Вдруг Бальтазар понял, что его андроида сильно трясут.

– Очнитесь! – донёсся до него издалека крик Емельяна Сергеевича.

– Что случилось? – похлопал Бальтазар глазами, взяв андроида под управление.

– Беда! Ещё одна жертва! – воскликнул Емельян Сергеевич, перестав трясти его за плечо. – Юноша, почти мальчик. На другом конце Земли. Самоубийство, и по всем признакам наш случай. Изувеченное тело в морге, желатиновая оболочка – на столике у патологоанатома.

– И что мне делать?

– Как что?! Забираете на себя посмертно-предвоскресное обследование души самоубийцы, это легенда прикрытия. Родственники уже оплатили ваш визит. Институт дал им хорошую скидку, за наш счёт, так что жду от вас ценных сведений, которые не стыдно будет подшить к делу.

– Я, кажется, знаю это местечко, – удивился Бальтазар, посмотрев на адрес. – Неподалёку от них крупный филиал Института. Я там бывал.

– Может, и с убитым пересекались. Он работал в Институте Времени.

Бальтазар присвистнул.

– Уборщиком, за полотёрами приглядывал, – пояснил Емельян Сергеевич.

– А, ясно. Как я получу задание? Не от вас ведь?

Емельян Сергеевич помотал головой:

– Нет. Обычным образом, через страховой отдел Института. До вашей конторы заявка дойдёт сразу. Остальным – с задержкой: произойдёт сбой на узлах связи. Десять минут, не больше, иначе подозрительно. Надеюсь, ваши не проворонят. Со всеми этими нелепыми смертями Институт задрал барьерную страховку, так что родственникам, точнее нам, пришлось раскошелиться. Цена заоблачная, ваши должны клонуть.

Бальтазар кивнул: обязательно клюнут. «Мы своего не упустим». У него тренькнуло входящее – ага, вот и оно.

Телефон в руке Емельяна Сергеевича тоже пискнул.

– Готово! – Тот глянул в экран: – Ничего себе, чуть дольше трёх секунд прошло, как вам отправили! Полторы туда, полторы сюда.

– На автомате заказ приняли, раз цена хорошая.

– Прекрасно! Ждём вводные от вашего босса?

– Я уже получил задание срочно выезжать на место вместе с пересылкой заявки. – Бальтазар показал свой телефон, выведенный на ладонь андроида. – Адрес знаю, обстоятельства дела знаю. Могу отправляться. – Он встал из-за стола.

Емельян Сергеевич поднялся следом.

– С богом! – махнул он рукой.

Неожиданно телефон Бальтазара требовательно запищал, мигая картинкой полученного видеосообщения.

– Дмитрий, – после заминки сказал Бальтазар, поспешно убрав телефон (уже глянул мельком). Послушает начальство наедине.

– Выведите на экран, – приказал Емельян Сергеевич. – И автоперевод включите.

Незаметно вздохнув (видеозапись ничего хорошего не обещала), Бальтазар подчинился. Перед ними на экранной стене отобразилась голова звонившего. Картинка, как назло, выхватила миг энергичный и выразительный: округлённые глаза, губы, с усилением выдувавшие букву У, и топорщащаяся борода, загораживавшая обзор и вылезавшая за кадр.

Ну, ничего не поделаешь. Бальтазар запустил воспроизведение, и Дмитрий ожил.

– Бальтазарушка, родненький! – воскликнул он с воодушевлением, разглаживая бороду. – Свезло нам хороший заказ ухватить! Всё бросай и дуй на адрес, он у тебя в почте. Отобьём часть денег, что вы угробили на гальванизацию трупа. Кричали мне, мол, заявим о себе, прославимся! А вот завернули статейку Альберта! – он размашисто сунул огромную дулю под зрачок видеокамеры. – Слышал? Мол, неактуально. Как я и думал! Так что продолжаем по старинке. Ну да ладно, к делу. Работёнка плёвая, так считаю, случай-то очевидный. Старый добрый душевный разговор – заболтать и вывести. Но смотри у меня, на родных не дави, – потряс он указательным пальцем, чуть ли не высунувшись из экрана. – С ходу бедолагу в самоубийцы не записывай. Разберись, выясни, то да сё. А то знаю я тебя: как начнёшь обличать – что ни слово, то намёк на грех, и что ни грех, то смертный. Дай людям надежду. Тем более человек-то непростой – институтский работник. Ясно? Но не усугубляй! Зачем нам с отказником возиться? Посадить такое растение себе на шею? Нет! И родственникам это не надо, а то находятся ушлые: «Вы риски оценивали, вы и отвечайте!» Не дай бог! Ну ты сам знаешь, что к чему, не мне тебя учить. Заказ жирный, в накладе не останемся. Всё, с богом! – Дмитрий махнул рукой и пропал.

Емельян Сергеевич смотрел на экран, плотно сжав губы. Бальтазар пожал плечами.

– Я могу отправляться? – спросил он.

Следователь по особо важным делам, весь пунцовый, кивнул.

– Тогда я пошёл, – зачем-то добавил Бальтазар. Он отпустил андроида и перескочил к себе на орбитальный спутник.

Нехорошо получилось. Вернуться бы и сказать пару слов в оправдание, что, мол, разговор подразумевался конфиденциальным, потому Дмитрий позволил в речи немного жаргонизмов. На самом деле все так говорят. А жаргонизмы удобны для быстрой передачи сути дела. Поэтому не стоит думать, что они непрофессионалы. Другие не лучше.

Недолго поколебавшись, он вернулся на Землю. Андроид, отправленный на посадочную станцию, уже затворял за собой дверь. Придержав её, Бальтазар заглянул внутрь и увидел, что

Емельян Сергеевич, упав грудью на стол, покатывается со смеху, утирает слёзы и бормочет: «Гальванизация трупа... Заболтать и выведать...»

«Вот и славно», – с облегчением выдохнул Бальтазар, тихо закрыл дверь и вернулся к себе.

Открыв досье дела о самоубийстве, он бегло пролистал, рассматривая приложенные фотографии родственников и жертвы. Ничем не примечательные лица землян, довольно красивые, если к ним привыкнуть. Посмотрел на снимки с места преступления: повсюду кровь; убитый, полусидя на скрещённых ногах, висит в петле, накинутой на ручку двери, и держится за торчащий из живота нож; на лице застыла гримасничающая улыбка. М-да, из тех самых, седьмой.

Жертва преступления – он же самоубийца с трудным именем Пельзуемесья. Имя чаще женское, как мужское используется редко, – хм... Тридцать пять лет. Верно, по земным меркам юноша, вчерашний ребёнок. За толщину щёк и необъятный живот Бальтазар окрестил его Фомой. И с именем немного сходно: Ф и П, будем считать, схожи; М и О тоже в наличии. Фамилию Кувенкласе переименовывать не стал – запомнил, это он сумеет выговорить.

В кармане штанов жертвы найдена предсмертная записка: «Я пошёл, вы не волнуйтесь, всё будет хорошо, и даже лучше». Написана от руки почерком убитого, залита его же кровью.

Причина смерти – удушение верёвочной петлёй, накинутой на дверную ручку межкомнатной двери. Перед этим кухонным ножом нанесена глубокая рваная рана брюшной полости.

В желудке убитого обнаружена лопнувшая непереваренная желатиновая оболочка чёрного цвета. Психотропные препараты не выявлены. При этом уровень дофамина и серотонина в тканях головного мозга существенно превышает физиологическую норму. Экспресс-анализ межнейронных путей показал сверхактивный контур возбуждения в коре мозга и петлю обратной связи с базальными ядрами. Характерно для крайне экзальтированного состояния.

Дальше шёл генетический анализ пыли помещения. Бальтазар быстро пролистнул списки людей, посещавших Кувенкласе за последний месяц: бабушки, дедушки, тёти, дяди, их дети. Неделю назад заходила соседка с верхнего этажа, посетила комнату брата жертвы. Заканчивалась экспертиза отчётом о питомцах: свежие следы ДНК обычной собаки семи лет и двухлетней давности – старой кошки. Бальтазар хмыкнул – особенно про кошку очень важно знать.

Он открыл отдельное досье на ближайших родственников, проживавших с убитым: мать, отец и брат. Во время преступления дома отсутствовали. Жертву обнаружил отец ориентировочно через десять минут после смерти.

Мать Фомы звали Пэйлиэзеивэля, отца – Ахшмузь. Для простоты Бальтазар нарёк их Паскуэла и Ахилл. Имя брата-близнеца Фомы было Вуквопел. Внешне он отличался от брата до неузнаваемости: красавчик, телосложение атлета. Вот кого надо было называть Ахиллом. Но переводчик недовольно крякнул и отказался менять сохранённую настройку (снова привет Бенедикту?), пришлось наречь Вуквопела Валерием – тот и впрямь светился здоровьем и мощью. Бальтазар подумал и сократил до «Валера» – как раз для юноши.

Закончив изучать материалы, Бальтазар отправил семье Кувенкласе запрос на визит и в ожидании приглашения рассеянно глядел в окно. Перед ним во мраке космоса медленно поворачивался тёмный шар Земли весь в ярких пятнах ночных городов – спутник на низкой орбите пролетал через ночь. Всегда занимательное зрелище. Сколько раз видел, а не надоедает.

Привезти бы сюда Елизавету и покатать на спутнике – вот, мол, дорогая, это тебе не на метле летать. Шутка, конечно, на грани... Но если между близкими людьми – то почему бы и нет. Бальтазар вздохнул: эх... Затем спуститься на Землю и погулять рука об руку у настоящего моря или в парке. Можно, как он сейчас, «по проводам» на удалёнке, но лучше в переносных капсулах эссентариума. Обязательно одеться в дорогих и приличествующих случаю андроидов – в мужского и женского, с хорошей чувствительностью и подвижностью, каждый со своей

капсулой. А не в болванчиков на управлении с орбиты вроде того, в котором он ходил сегодня. Ах, как бы это было здорово!

Помечтав с минуту, Бальтазар пригорюнился. Во-первых, никуда она, домоседка, не полетит, во-вторых... Во-вторых, не время думать о семейных дрязгах. Но кем бы Елизавета его ни считала, для него она часть семьи. Он уже скучал по ней.

Бальтазар проверил обратные рейсы домой. Как нарочно, ближайший на Луну с его станции был через два часа, а следующий – аж через восемь. Вздохнув, он зарегистрировался на ближайший, выкупив последний билет. Конечно, была небольшая вероятность, что он не уложится к посадке на рейс. Но это ничего, как-нибудь обоснует Кувенкласе свой досрочный уход. С Луны им перезвонит, если потребуется что-нибудь уточнить. Общаться неудобно, но для недолгой беседы сойдёт.

Он отметил на билете «Забрать в любом случае» – вдруг за разговором сам забудет. Самое страшное, что случится: без предупреждения пропадёт его голограмма и отработает отбивка потери связи. Это же не андроида посередине дороги бросить.

Бальтазар глянул на часы – время не терпит, а прошло уже пять минут, как он отправил запрос на посещение. Ещё одна тягучая минута... Но вот пискнуло входящее, и он подскочил на стуле. Наконец-то! Кувенкласе дали добро и открыли именной – на него – переход. Он поглядел на своё отражение в тёмном окне и поправил галстук. Перекрестившись, открыл дверь со своей стороны и шагнул навстречу ждавшему его землянам.

Глава 2. Задушевный разговор

– Добрый день, – вежливо произнёс Бальтазар и сошёл со стены, словно призрак.

По другую сторону от стены-проектора стоял диван, на самом краешке которого расположилась Паскуэла за руку с Ахиллом, а по правую сторону – пара кресел. На одном в неудобной позе замер Валера, на другом сидела собака. Все внимательно смотрели на гостя. А он на них.

Лица встревоженные, в слезах. Измучены болью. Близкие Фомы были будто слегка не в себе, будто они немного умом двинулись. Хороший знак – нет скрытого пренебрежения или тайной зависти к чужой смерти. Он и такое наблюдал.

– Добрый день, – нестройно ответили ему, поднимаясь навстречу.

Пёс гавкнул и соскочил на пол.

С удивлением посмотрев на собаку – ему почудилось «бывай здоров» на корявой интерлингве, – Бальтазар прошёл до едва видимой прозрачной стены на середине комнаты, где заканчивалась отображаемая для землян голографическая картинка.

Они со своей стороны подошли к виртуальной гостиной. Кивнули Бальтазару. Он представился – посмертный следователь, – показал удостоверение.

– Вы знаете, я здесь за... – начал он.

– Знаем зачем! Институт послал вас разнюхать, не убил ли себя Фома, – выпалил Ахилл. – Чтобы выставить за его воскрешение неподъёмную цену! Мы за ваш визит последние штаны заложили! Вы на наши деньги оценки свои Фоме выставляете! А мы возьмём и наплюём на них! Сами решим. Мы его воскресим, а он – нас, когда наше время придёт...

Ахилл потряс кулаком перед носом посмертного следователя. Женщина заплакала и запричитала, успокаивая мужа. Валера выглядел смущённым. Пёс вёл себя смирно, поглядывал на Валеру и внимательно следил за гостем. Умная собачка.

Бальтазар вздохнул:

– У вас неверные представления об Институте и моих обязанностях. Давайте присядем и спокойно поговорим. – Он из ниоткуда достал нарисованный стул и уселся у барьера. – Прошу, садитесь, – указал он на диван и кресла за их спинами.

Все расселись, пёс занял место у ног Валеры, не спуская настороженного взгляда с гостя.

– Извините, – пробормотал Ахилл, смахивая слезу. – На нервах. Слегка выпил. Как глупо! Всё я знаю, уже сто лет как небо копчу, давно всё выяснил, как и что. Не попасть к вам...

– Ну, случилось то, что случилось. Вам какое дело?! – спросил у Бальтазара Валера, с жалостью поглядев на отца.

– Никакого! – Бальтазар поднял руки. – Но для Фомы с вас затребуют мой подробный отчёт о душе усопшего. Для оценки финансовых рисков Луны, которые будут учтены в сумме платежа Институту Времени. Страховка от возможного ущерба, когда воскрешённый впадает в благодное оцепенение, перекладывая обязанности поддержания в нём жизни на плечи общества. У нас их называют отказниками и другими словами, которые я не хочу озвучивать. Если такое случится, то страховые покроют часть общественных трат на содержание души отказника. Не каждого можно уговорить или даже заставить поработать на благо себя и общества, а избавляться от этих безвольных персон негуманно. При самых неблагоприятных оценках, например без такового отчёта, страховая переплата может в несколько раз превысить стоимость воскрешения. – Он развёл руками. – Никто не вправе вам запрещать. Но возможно, вы разумнее поступите с вложением, замечу, немалых сумм. Механизм оценок «качества души» и взвешенных выводов давно отработан. Поэтому я здесь.

– А если мы наврём с три короба? – не сдавался Валера, отмахнувшись от матери.

– Во-первых, я наверняка замечу подвох. Крайне неблагоприятный показатель! Во-вторых, это невыгодно вам. При вероятном негативном сценарии общество постарается перело-

жить свои расходы на ваши плечи. Снова привлекут меня – того, кто прошляпил страховой случай. Последуют разбирательства, и правда всё равно вылезет наружу. Зачем вам начинать жизнь у нас обманщиками? Или ещё хуже – растратить огромные средства и, вероятнее всего, остаться ни с чем? Передать по наследству долги и единственно уповать на следующие поколения? Всё это может показаться страшной бесчеловечностью – так скрупулёзно оценивать людские жизни, тем более близкого вам человека, – но нам приходится. Другой Луны у нас для вас нет.

– Всё так, – печально подтвердил Ахилл. – Валерка, вырастешь и поймёшь, что деньги на деревьях давно уже не растут. Если бы я знал, где достать нужную сумму, да хоть маленькую долю... – Он махнул рукой. – С вами-то в долги влезли, – добавил он Бальтазару.

Тот поморгал.

– Валера, – обратился Бальтазар к насупленному юноше. – У вас замечательный пёс и, кажется, э-э... очеловеченный. Мне показалось, он со мной поздоровался на интерлингве...

Пёс склонил голову набок, оценивающе оглядывая Бальтазара, посмотрел на Валеру и пару раз тявкнул – на этот раз что-то невразумительное.

– Нет, Клык – обычная собака. Знает сотню слов, десяток на интерлингве. Вы чужак, поэтому интерлингва. Сейчас спросил: «Можно вас укунить?» – Валера почесал пса за ухом. – Клык, сидеть. Нельзя кусать!

– Прекрасно! Спрашивает разрешения. В моё время таких умных собак не водилось. Ну так вот, я вижу, вы любите пса. И все любят, и мне он нравится... – Бальтазар замолчал.

– Но... – проговорил за него Валера.

– Но по роду занятий я знаком со статистикой Института. Открою секрет, наверное, для вас неприятный: настоящих домашних животных у нас почти нет. Редкая причуда экстравагантных богачей. И отношение окружающих к этим чудачкам, скажу прямо, не лучшее...

– Я понял! – перебил его Валера. – Вы намекаете, что, «воскреснув», – показал он пальцами кавычки, – я перестану любить животных? Людей? Как-нибудь обойдусь без вашего «рая»! Слышите? – бросил он родителям.

– Наплодили дураков, – недовольно пробормотал жене Ахилл и вышел из комнаты.

– Валера, выводы неправильные, – мягко возразил посмертный следователь. – Наш мир – это мир людей, созданный людьми для людей. Наш человек – это рафинированная часть человека, самая суть. И, конечно, мы любим других людей, а прежде всего – своих близких. И питомцы у нас есть, но искусственные: электронные копии. У меня самого дома такой бандит живёт – котик. Они дешёвые, а люди дорогие – во всех смыслах.

Валера, раздражённый, заелозил на месте и, не говоря больше ни слова, принялся гладить пса. Тот добродушно рычал, прижимал уши и махал хвостом. На следователя пёс глядел, как тому показалось, с презрением.

Бальтазар решил не терять времени в отсутствие Ахилла и попросил у Паскуэлы доступ к цифровому архиву Фомы с перепиской, связями, новостными подписками, выставленными там и сям сердечками, смайликами и прочими электронными отпечатками. Конечно, строго следуя букве закона, правильно было получить разрешение и матери, и отца. Но дух закона подсказал Бальтазару не принимать во внимание не вполне трезвого Ахилла.

– Большой Отец неусыпно следит за тобой, – хмыкнул Валера. – И всё записывает.

– Ради блага чад своих, потому что любит их, – поддержал его фронду Бальтазар с ироничной улыбкой.

– Думаю, муж не будет против, – после недолгого колебания согласилась Паскуэла и выдала ему разрешение.

Немедленно сломав личную печать Фомы, Бальтазар выкачал к себе архивы и запустил обученного мозговичка, чтобы разобрал тексты, реакции, искал смыслы и строил догадки, а главное – чтобы вытащил на свет любой намёк на связь с «Реактивными зигзагами». Данных

оказалось неожиданно мало, поэтому почти сразу пришли скучные ответы: обычный человек в обычном окружении – родственники, сверстники, знакомцы с работы.

Бальтазар пробежался по списку контактов, отсортированному по их весомости. Ого! На предпоследней строчке – Иван Иванович, хорошо знакомый ему историк-лаборант из местного филиала Института Времени. Фома отправил тому единственное сообщение: «Ты как?», оставшееся без ответа. Похоже, по ошибке: тот у него в рабочих контактах вместе с полусотней других сотрудников Института. На всякий случай Бальтазар добавил к разбору свою переписку с Иваном Ивановичем. Мозговичок перелопатил весь объём заново, но выводов не поменял, только спустил лаборанта на последнее место. Случайный здесь человек, как и вся нижняя половина списка.

Никаких причин для самоубийства – наихудший из признаков, хороший повод для Института задрать ценник. И никаких связей с ракетной корпорацией, – даже через пятые руки, ни единой зацепки. Плохо.

В дверях появился Ахилл с бутылкой и со стаканом.

– Я ничего не пропустил? – спросил он.

– Лунянин выманил у мамы доступ к электронке брата, – доложил ему Валера.

– А чего меня не дождались? Я, может, против! – нетвёрдо сказал Ахилл. Вдохнул и махнул рукой: – Забирайте, раз влезли.

– Есть что? – спросил Валера, глядя, как посмертный следователь озабоченно листает бумаги в своём планшете.

– Нет, – буркнул тот, не поднимая головы.

– А это хороший признак? – спросила у него Паскуэла.

Бальтазар оторвался от выверки аналитических выкладок и посмотрел на неё.

– Очень может быть, но судить пока рано, – уклончиво ответил он и вернулся к работе.

– Вы не замечали странностей в поведении Фомы? – спросил Бальтазар через минуту, когда закончил.

– Знаете, в последнее время он и в самом деле от всех отстранился. Говорил не пойми что: «Отрицаю бытие – его нет, всё фикция вроде голограммы», – призналась Паскуэла после заминки. – И друзей всех растерял.

– Возраст у него такой, отрицающий, – сказал Ахилл о сыне так, будто тот жив-здоров и просто отлучился.

Ахилл плеснул в стакан янтарной жидкости и выпил в один глоток.

– Я уверен: мой сын не самоубийца! Его убили! Проникли в дом, зарезали и повесили на двери. Лучше бы убийц искали, чем нервы нам выматывать, – добавил он с раздражением и приложился к бутылке, обойдясь уже без стакана.

Порядком рассерженная Паскуэла выхватила бутылку из рук мужа и поставила подальше на пол за диван.

– Вы уж извините. – Ахилл тяжело вздохнул. – Может, кто из сослуживцев на него повлиял? Мы их совсем не знаем.

Бальтазар покачал головой:

– Фома действительно мало с кем общался. И круг общения ничем не примечателен: никто из них не тянет на зловещую роль вдохновителя к самоубийству.

Все переглянулись и помрачнели.

– Не верю, не верю, – забормотал Ахилл, замотав головой.

Бальтазар с досадой отметил свой промах: вслух никаких «острых» выводов, тем более предварительных! Ещё не хватало, чтобы они замкнулись или принялись выдумывать.

– Вы хорошая, цельная семья. Уверен, вы и сами это чувствуете и понимаете, – успокаивающе произнёс он. – Это прекрасный, обнадёживающий показатель! Но пока личность Фомы для меня загадка. Упущено что-то важное – что плохо.

– Может, из-за несчастной любви? – вздохнула Паскуэла, видимо, смирившись с мыслью, что её сын ушёл из жизни добровольно.

– Так-так, – подбодрил её Бальтазар.

– Примерно год назад он мне сболтнул, что влюбился, – поделилась Паскуэла. – Я потихоньку выведала, что он переписывается с одной особой. Такой воодушевлённый был, сказал, что нашёл свою единственную, свою половинку. Но вдруг захандрил. Я спросила, как у неё дела, а он буркнул, что, мол, в порядке. Не поверила, но решила нос не совать. А недавно расспросила. Так он насупился, рукой махнул: «Любовь эта – пустое, одно наваждение. Биологическая обманка эволюции, чтобы вид не вымер. Гормоны в голове полощутся, вот и всё. А перестанут, так и прошла любовь. Лучше бы перестали». Так и сказал.

– Несчастливая любовь? Хорошо! – воскликнул Бальтазар, намеренно проигнорировав опасные признаки демистификации чувств. – Это внушает осторожный оптимизм. Подскажете, кто эта девушка? В его переписке нет ничего похожего.

– Удалил? – предположила Паскуэла.

– В госкорзине тоже ничего, – помотал головой Бальтазар, проверив недоступное обывателям хранилище всех «стёртых данных» (откуда никогда и ничего не удалялось).

Паскуэла посмотрела с недоумением, обернулась к мужу.

– Выдумал? – пожал тот плечами.

Стало тихо. Воображаемая подруга – это ещё куда ни шло. Но убеждать окружающих в реальности вымышленных отношений – это странно. Бальтазар надеялся избежать расспросов о том, повлияет ли это на оценку рисков воскрешения, – тема была сложная (хотя он был уверен, что институтские психологи этот выверт фантазии Фомы оценят по достоинству).

Валера поёрзал, поглядел на обеспокоенную мать, угрюмого отца и задумавшегося следователя.

– Фома с моего телефона переписывался, – с неохотой проговорил он. – По ночам, когда я спал. Его отпечатки не срабатывали, так он моими пользовался. Сам во всём признался, когда я у себя неизвестную переписку обнаружил, а затем подстерёг его. – Валера вздохнул.

– Хороший признак, – сказал Бальтазар на всякий случай. – Валера, ты...

– И что же хорошего?! – перебила его возмущённая Паскуэла.

– Э-э... Изворотливость, изобретательность ради естественной потребности продолжения рода, – туманно пояснил Бальтазар и быстро спросил: – Валера, дашь доступ к этой беседе?

– Да там ничего особого. Слал ей мои фотки, видео смастерил, хохмил почём зря. Очень остроумно к девчонке подкатывал. Хороший признак, как вы, наверное, скажете. Она всё хи-хи да ха-ха, «какой ты умный, какой молодец». Когда я его за руку поймал, он согласился, что нехорошо поступил. От меня выслал ей свою страничку с извинениями, что, мол, это всё тот же я, но есть маленькое но...

Валера затих, роясь в телефоне.

– Нашёл! Открыл вам доступ. Фома вначале хотел забрать переписку себе, но увидел, что она со мной стала кокетничать, и попросил удалить – полностью, без возможности восстановления. Я всё потёр, а девчонку заблокировал. При нём. Зачем мне эта пошлая интрижка – брата изводить? Но это давно было, девушка тут ни при чём. Брат из-за другого куксился, не знаю из-за чего... – задумчиво проговорил Валера.

Слушая и кивая, Бальтазар вытряхнул из госкорзины переписку, просмотрел – всё так, девушка эта тоже пустой след. Да, один раз зашла к Фоме (видимо, после его «разоблачения») и больше не объявлялась. Общение Фомы с ней, надо отметить, характеризовало его как человека разностороннего и неглупого, а вот девушка хоть и красавица по земным меркам, но именно что «хи-хи да ха-ха» – правильно Валера её описал. Бальтазар отправил мозговичку новый материал, но тот сразу ответил, что это полная ерунда, ни с чем не связана и ни на что не влияет.

«Прав Валера, дело не в этом мимолётном увлечении. Ещё один след в никуда, как и прочие, – вообще ни намёка на давление, травлю или внедрение ложных идей. Можно и закругляться... Бедный дурачок Фома, кто же тебе подсунил этот наркотик? Ещё и „отрицаю бытие“... Не сам же ты до такого додумался? – размышлял Бальтазар. – Подытожим выводы. Для институтского отчёта: крайне вероятно, что Фома – будущий отказник. А для порученного задания: плохо, очень плохо...»

– Кажется, есть кое-что ещё, – неуверенно произнёс Валера, вставая с кресла. – Не хотел об этом говорить, но раз правда в наших интересах, наверное, не стоит скрывать.

– Ни в коем случае! И прежде всего ради Фомы! – встрепенулся Бальтазар. – Пускай, предположим на одну лишь секундочку, Институт оценит риски по максимуму. Но вы, крепкая и сплочённая семья, пусть не сразу, но через сотню-другую лет сможете накопить нужную сумму и привести Фому в дом. Верьте, много раз слышал о таком! – с жаром добавил он. – Не думайте, что я предвзят и уже записал Фому в отказники, вовсе нет! Главное в моём деле – доискаться правды. Валера, что там у тебя?

– Лучше я покажу, – сказал тот и вышел.

Пёс оглянулся на дверь и тявкнул на гостя. Пса никто не одёрнул, и он зарычал на Бальтазара в своё удовольствие.

А тот в нетерпении поднялся и заходил вдоль линии барьера туда и обратно. Присмирившие Паскуэла и Ахилл переглянулись и молча глядели, как он мерит шагами доступную ему половину комнаты.

– Всё будет хорошо, – кивнул им Бальтазар.

Он посмотрел на часы – времени до отлёта достаточно.

Через минуту появился Валера и показал всем тетрадку:

– Вот.

Валера подошёл к следователю, стоявшему у разграничительной линии, и развернул перед ним тетрадь. Бальтазар с любопытством посмотрел, но вдруг изменился в лице и отпрянул.

– Что там?! – воскликнула Паскуэла, бросившись к сыну.

Ахилл невнятно ругнулся и присоединился к жене.

Валера заглянул в открытый разворот.

– Голый толстяк на костре. – Он в удивлении похлопал глазами, глядя на смутившегося Бальтазара, и показал тетрадь родителям. – Это рисунки Фомы про лунных грешников. Все красочные и страшные. Смотрите, огонь как настоящий, пламя так и лижет беднягу, а тот рыдает и кричит. Я прямо слышу эти вопли... Здесь все картинки такие: истязания, кишки наружу. Я как-то глянул и ужаснулся. Бальтазар, как вы считаете, это хороший признак?

Тот помялся:

– Э-э... неопределённый. Паскуэла, Ахилл, извините. Почудилось... Валера, пожалуйста, покажи другие рисунки. Хочу все их переснять.

Юноша листал страницы и подносил тетрадь к самому лицу Бальтазара, стараясь не пересекать мерцающую границу проецируемой голограммы, чтобы проектор не сдвигал голову лунянина с его плеч, сводя два мира в один.

– Так, следующую, – повторял Бальтазар, сделав снимок очередной жестокой расправы.

Рисунков было много, каждый выразительный и пугающий. Суды возмездия – воздаяние преступникам от их жертв. Неужто Фома посещал места проведения казней? Или, может, богатое юношеское воображение дорисовало за слухами? Нет, невозможно – изображения почти фотографической точности. Например, та пленница под ногами у привязанного к столбу, умело разложенный хворост. А характерный крест на шее? Узнаваемый. Хоть и воспроизвёл его Фома неточно, по памяти. Нет, он рисовал то, что сам видел. Репортажи из этих мрачных мест не ведут и документальные фильмы об этом не снимают.

Но просто так туда не попадешь. Мероприятия конфиденциальные, о них повсюду не трубят, участвуют только вовлечённые стороны. Но не подрабатывал же Фома помощником правосудия, иными словами, палачом? Невозможно для юнца. А вот одна из сторон могла пригласить, например обвиняемые. Иные из них проходят подобные судилища по множеству раз сообразно своим преступлениям. Фома ведь уборщик, вхож в Институте в разные места. Пересёкся с кем-нибудь один раз, другой. Познакомился. Или подслушал, где и когда состоится казнь. Можно зайти по-тихому, строгого контроля на вход там нет; но если не знаешь адреса – никогда не найдёшь, даже случайно не набредёшь. Заявиться в наш мир с визитом землянину не проблема – есть обзорные панорамы и соединительные мосты. Подключайся через очки виртуальной реальности и смотри, а при желании – заходи в любимом обличе. Можно даже из дома.

Наблюдение этих отвратительных сцен запросто могло расшатать юную психику Фомы, привести к мыслям о смерти и таинственному наркотику.

Хм, эти несчастные – новый, неизвестный пласт связей. Среди них полно всяких, встречаются откровенные монстры. Предстоит вычислить, кто изображён на картинках. Может, сильно повезёт и кто-то снова у нас объявился – ждёт очередного приговора или, пройдя свои круги ада, мирно живёт. Шанс невелик: после совершения мести они обычно никому не нужны – казнили и забыли. И бывают недолго: воскресили, дали погулять, осудили. Но это лучше, чем ничего. На приятное и полезное общение с этой публикой рассчитывать не стоит, хотя есть методы разговорить и таких людей. Прекрасно! Бальтазара озарило: а что, если наркотик разработан именно для облегчения их страданий? Но кем и зачем? Они же никто, появляются и быстро исчезают, обычно с концами. Тайный благодетель ради человеколюбия? Версия интересная...

«А вдруг наши самоубийцы – всего лишь подопытные? А наркотик изобрели в земной химической лаборатории? Ведь требуются оборудование, реактивы – всё настоящее, из материального вещества, и оно здесь дешево, фактически бесплатно, орудий хоть тоннами. А мир лунян по большей части нарисован, даже моё тело... – Бальтазар украдкой оглядел себя: руки, грудь, ноги. – Конечно, можно и у нас построить настоящую лабораторию, но материя эссенциариума дорогá и используется в основном для создания вместилища души, иными словами, мозга. И синтезаторы нашей материи на строгом учёте из-за дороговизны производства овеществлённой энергии, запираемой в специальные ёмкости. „Чтобы не рвануло“, как говорит Альберт. Всё под контролем немногочисленной учёной братии Земли и Луны. В основном получают элементы для органики: углерод, кислород, водород, азот... Вернее, их аналоги: какие-то волны возбуждений полевых состояний, которые ведут себя как обычные атомы, но в исключительно маленьком масштабе. Забавно, как вдруг помогли заумные разговоры Альберта и Дмитрия про особенности химии и физики родного мира. Головоломка сложилась?..»

Бальтазар решил, что про эти рисунки следует вызнать как можно больше.

– Вы с Фомой это обсуждали? – доброжелательно спросил он у Валеры и ткнул в разворот тетради, где косматый человек лютого вида – судя по всему, помощник правосудия, – обликом напоминавший гориллу, обрушивал огромную дубину на голову распостёртого перед ним искалеченного мужчины. Несчастный прикрывался изуродованной рукой, его лицо было перекошено страхом, а на губах застыл вопль ужаса. Верно, рисовано до чрезвычайности живо – в ушах так и звенел его отчаянный крик.

Бальтазар отвёл глаза. Но он не вправе осуждать, напомнил он себе. Око за око.

– Обсуждали, – ответил Валера. – Он ругал наш мир. Не в частностях, а вообще: мол, мир есть боль, но его как бы нет, хотя лучше бы и вовсе не было... – Валера махнул рукой.

– Очень любопытно. Продолжай, пожалуйста, – вкрадчиво попросил Бальтазар.

– Больше нечего добавить, – пожал плечами Валера. – «Мир есть боль, прикрытая выдуманными иллюзиями, чтобы отвести от неё внимание и тем унять. Когда разоблачишь эту

грандиозную мистификацию, увидишь, что и боль тоже иллюзия, её нет, ничего нет. Поймёшь, что всё обман, тогда излечишься...» Знаете, у нас с ним философские разногласия. Он в Бога не верит.

– Так-так, – поднял брови Бальтазар, заметив, что и Валера упоминает брата в настоящем времени.

– Смеялся над божественностью Христа.

Бальтазар поперхнулся, поёрзал на стуле, но ничего не сказал.

– Вы знаете о Христе? – спросил у него Валера.

– Наслышан... – нехотя ответил тот.

– Валера, уймись! – воскликнула Паскуэла.

– Какие фантазёры! – Ахилл схватился за голову. – Один ни во что не верит, другой верит в сказки. В науку надо верить, в технический прогресс! И как нам спастись с такими-то сыновьями?

– Пусть продолжает, – мягко унял родителей бывший инквизитор и осторожно заметил: – Да, Христос живёт у нас. И он человек.

– Фома говорил, это глупости, что он когда-то был Богом. Отговорки, что наши машины времени не способны ухватить Его божественную вневременную сущность, потому извлекли лишь Его человеческую оболочку...

– Угу, – поддакнул Бальтазар, прекрасно осведомлённый о правильном церковном толковании и о мнении самого Христа.

Валера продолжил:

– Говорил: «И тогда человек, и сейчас. Не выдумали человечка, и то хорошо, хе-хе. А тот молодец: наврал от души – и дурачье поверило в его сказки». Мол, уважаю! И вообще, вашего лунного рая, вернее чистилища, нет, как и нашего мира. «Одна сплошная иллюзия, и у каждого свой самообман!» Какая чушь! Ересь! Каюсь, хотел его хорошенько вздуть, а потом понял, что ему того и надо для своих аргументов.

– Ты описал типичный солипсизм, мнение-вирус, изолирующее человека от общества, – разъярил Бальтазар. – Так оно создаёт себе стерильные условия для роста и укрепления. Взамен подсовывает приманку, «некое тайное от всех знание». К счастью, мешает своему же распространению, отгораживая человека даже от собственного здравого смысла. А драться не надо, – тихо пожурил он, глядя на беспокойного Валеру, явно чего-то недосказавшего. – Разве христиане не решают ссоры полюбовно?

Тот чего-то буркнул, покраснел и кивнул.

– Эх, братик, братик, наворотил ты дел... – Валера уронил тетрадку на пол и стал размазывать по щекам тёкшие слёзы, потом не сдержался и зарыдал в голос.

Паскуэла тоже разрыдалась, подошла и обняла сына. Ахилл довёл их до дивана, присел рядом, не выдержал и сам горько заплакал.

Бальтазар поглядел на них и вздохнул. Нет, он решительно против воскрешения Фомы. Семья небогатая. Конечно, накопят, займут и вытянут его. Но вот оценит ли он их усилия, оплатит ли родителям, брату тем же? Ладно бы у Фомы были смягчающие обстоятельства: мучительная душевная или телесная болезнь... «Всё это у нас поправимо, и то... по-всякому бывает, – размышлял Бальтазар. – Кувенкласе влезут в неподъёмные долги, и на воскрешении будущего отказника Фомы их лунная одиссея закончится или отложится на неопределённо долгий срок. Ниточка тонкая – постоянно рвётся. Нет! Потом, когда-нибудь, в лучшие для них времена пусть попытают счастья. Эх, Фома, не все ошибки можно исправить».

Бальтазар решил перед уходом обязательно утешить их добрым словом. Скажет им, что они совсем не похожи на семьи, с которыми он до этого имел дело, а это очень хороший признак. И это ни в коем случае не сомнительная ложь для успокоения совести. Действительно, люди они славные, а по его опыту это кое-что да значит для верной оценки страховки. К тому

же нечего их сейчас лишний раз беспокоить. Через год-другой Институт вышлет им экспертное заключение, и семья примет взвешенное решение насчёт Фомы. Может, тот заживёт обычной жизнью, а может, и не заживёт – что вероятнее всего.

Отсев к стене, Бальтазар взялся за переснятую тетрадку. Хм, в конце выдран один лист, любопытно. Неудачная зарисовка? К счастью, Фома пользовался обычными карандашами и бумагой, поэтому на другой странице могли остаться следы от вдавливания. Бальтазар дал мозговичку задание найти их и отобразить. Жутковатый рисунок – окровавленная плаха, палач с намалёванной на щеке чёрной слезой, который держит за волосы отрубленную голову, выставив её напоказ, – поблэк и исчез. На его месте проступило нечёткое изображение лица – если это нос и ниже усы, а не утиный клюв и затёртая пометка, к примеру. Или вообще фривольный набросок округлостей, что пониже спины. Хотя нет, определённо мужское лицо. Сзади вроде бы какие-то горы. Языки пламени? Интересно, почему Фома вырвал эту страничку? Кстати, это единственный здесь портрет. Надо бы расспросить о нём. Может, кто-то узнает в этих пятнах, кого рисовал Фома.

Раздался дверной звонок, и все встрепенулись. Клык зарычал, подняв голову с коленей Валеры, соскочил с дивана и бросился вон из гостиной. Ахилл тоже поднялся, буркнув, что откроем.

– Вы кого-то ждёте? – спросил Бальтазар.

– Никого, – отозвалась Паскуэла. – Даже родственникам пока не сообщили.

Было слышно, как Ахилл открыл дверь и с кем-то разговаривает. Вдруг он издал испуганный возглас. Залаял Клык, Ахилл что-то выкрикивал. Все вскочили.

Створчатые двери с грохотом распахнулись, и в комнату задом ввалился пёс. Пятась и приглушённо рыча, он тащил за собой кого-то, вцепившись зубами в механическую руку-манипулятор. Это была туристическая тележка лунян: низенькая коробочка на вездеходных колёсах, по бокам – руки-манипуляторы, а сверху – стеклянная полусфера, отображающая лицо пассажира. Дешёвая и потому распространённая замена человекоподобным устройствам для прогулок по Земле.

Неизвестный покорно следовал за яростно дёргавшей его собакой, впрочем, не оставляя слабых попыток вырваться. Свободной рукой он прикрывал полусферу (в просторечии – банку), пытаясь загородить лицо, и оглядывался назад. За ним в комнату просеменил андроид. Последним показался изумлённый Ахилл.

– Фу, Клык! Фу! – крикнул Валера, и пёс сразу отпустил руку туриста, негодуя на него твякнул и отбежал к хозяину.

Гость потряс механической рукой и обтёр её о борт своей тележки. Он оглянулся на Ахилла, оставшегося в дверях, затем оглядел других, задержавшись взглядом на Бальтазаре. Тот подался вперёд: лицо в банке напоминало восстановленный портрет – усики, прилепленные чёрной заплаткой под утиным носом.

– Да он весь в крови! – воскликнула Паскуэла, рассмотрев вошедшего андроида.

– Он сказал, – кивнул Ахилл на тележку, – что это онó убило Фому. – Ахилл ткнул в андроида пальцем. – Покажи ладони!

Тот послушно выставил их перед собой. На рукавах его рубашки и пиджака виднелись засохшие красновато-бурые пятна.

Бальтазар тем временем вернулся к себе на орбитальную станцию и обследовал железяку, которую привёл незваный гость. Ага, полуавтономный андроид, после убийства мог сам уйти. Доступ открыт – бесхозный. Странно, очень странно – похоже, его покидали в спешке. Или к нему подключался Фома? Орудие самоубийства?

Забрав себе этого андроида, Бальтазар появился у Кувенкласе уже в его пластиковом облике. Он незаметно повернул голову на лунянина в банке, стараясь получше его рассмотреть.

– Бальтазар, он нашёл его недалеко от дома! – воскликнул Ахилл, повернувшись к виртуальной гостиной. – А где наш следователь? – недоуменно произнёс он, не обнаружив того на прежнем месте.

– Кто?! Какой ещё Вальзесорогоро? – вдруг пискнула банка, переврав и оставив без перевода имя следователя, назначенное ему семьёй Кувенкласе. Платформа тележки приподнялась, и турист в банке закрутил головой: – Куда он пропал?

– Я здесь, – произнёс Бальтазар в теле андроида и помахал всем рукой.

Неизвестный охнул и осел брюхом тележки на пол.

– Мне неприятностей не надо... – забормотал он, медленно откатываясь.

Неожиданно гость стремительно развернулся на колёсах, обогнул Бальтазара и, оттолкнув Ахилла, пулей вылетел из комнаты. Все только рты разинули, один Клык не сплеховал, с неистовым лаем рванув за ним. Хлопнула входная дверь.

Бальтазар бросился следом, но на первом же шаге споткнулся и грохнулся на пол – эта модель андроида была ему в новинку. Вскочив, Бальтазар потоптался на месте, подпрыгнул – порядок, теперь, кажется, освоился в новом теле – и кинулся за сбежавшим гостем, чуть не сбив с ног вернувшегося Клыка.

– Я открою! – крикнул Валера, кинувшись помочь, а Клык после непродолжительного раздумья с лаем присоединился.

В прихожей Бальтазар безуспешно боролся с дверной ручкой. Валера его оттеснил.

– Надо плавно нажимать! – выпалил он, распахивая дверь.

Бальтазар выскочил на лестничную площадку.

– За мной не ходи. Держи Клыка, – развернулся он к юноше и кивнул подошедшим Ахиллу и Паскуэле.

– Да он трус, чего его держать, – недовольно пробубнил Валера, ухватив Клыка за ошейник. Пёс немедленно зарычал, стал вырываться и кидаться на пластиковое воплощение Бальтазара. Валера хмыкнул под нос: – Герой. Теперь неделю будет хвастать, как прогнал чужаков.

Но Бальтазар, не слушая, уже бежал вниз по лестнице, держась за перила и быстро-быстро перебирая по ступенькам непослушными ногами. Эх, ему бы гибкие колёса, как у того, за кем он гнался.

Выбежав на улицу, он в последний миг заметил, что туристическая тележка скрылась за углом дома. Бальтазар бросился туда, завернул за угол и остановился: пешеходная дорожка выводила на широкий проспект, заполненный толпами лунных туристов разных форм и размеров.

Глава 3. Роковая прогулка

Присвистнув, Бальтазар огляделся. От обилия гуляющих по проспекту разбегались глаза. Не зная, куда свернул беглец, Бальтазар вертел головой, высматривая среди схожих колёсных коробок своего туриста. Но того и след простыл.

Повернув направо, Бальтазар сделал пару шагов и резко обернулся. Вдали в банке одной неторопливо едущей тележки от него сразу отвернулось лицо с заплаткой усиков. Попался! Лунянин, поняв, что замечен, припустил от преследователя во все колёса. Прыткий какой.

Не отрывая взгляда от засуетившегося туриста, Бальтазар кинулся следом. На него смотрели круглыми глазами, расступались и оборачивались. На ходу он снял заляпанный кровью пиджак, вывернул и надел наизнанку (пусть странновато, зато меньше ненужного внимания) и... столкнулся с оторопевшим землянином, пытавшимся уступить дорогу летевшему на него андроиду с пиджаком за спиной вместо крыльев.

– Лунатик, – сердито буркнул прохожий себе под нос. – Понаспускались. Скоро прохода от них не будет.

«Эка раззадорился», – глянул на него Бальтазар.

Во время этой суматошной заминки беглец сбавил скорость и, смешавшись с толпой, снова затерялся среди однообразных механизмов.

«Ничего, не уйдёшь, и не таких ловили...» Бальтазар увидел, как одна гусеничная тележка впереди свернула на боковую дорожку, ведущую в рощу. За первой с задержкой, будто нехотя, последовала другая – на колёсах. Лица не видно – отвернулся. Решил выдать себя за гуляющего в паре? Добежав до развилки, Бальтазар остановился, подождав, не обернётся ли беглец снова. Но тот не совершил прошлой ошибки. Всё-таки повернул? Бальтазар кинулся в рощу.

Свернув с узкой лесной тропинки, он побежал в обход. Кое-как продравшись через заросли, обогнал туристов и высунулся из густых кустов. Обманулся! Первый, гусеничный, транспорт вёл невероятно уса́тый гражданин, а вторым вообще управляла женщина, громко высказывавшая своему спутнику, что если они опять заплутают, то она...

Бальтазар попытался выбраться на дорожку, чтобы вернуться по ней и сберечь время.

– Что вы делаете? – испуганно вскрикнула женщина. Мужчина растопырил руки, загораживая её от лезущего к ним психа в вывернутом наизнанку пиджаке, и разразился отборной руганью на интерлингве.

– Извините! – крикнул им Бальтазар, оставив непролазные кусты, и бросился обратно старым путём.

Выскочив на дорогу, Бальтазар понял, что упустил усатенького, и присел на свободную лавку перевести дух. Носиться дальше по парку, наудачу гоняясь за колёсными тележками, бессмысленно, а в таком виде ещё и чревато задержанием с доставкой в полицейский участок. Кстати...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.